

В ЧЕМ СМЫСЛ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ НАУЧНОГО ДИСКУРСА?

Г.Г. Хазагеров

Представленная статья – реплика в научной дискуссии, поднятой в моей давней статье «Обесмысливание научного дискурса как объективный процесс».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: научный дискурс, индивидуальный стиль, мотивированность

ХАЗАГЕРОВ Георгий Георгиевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Южного федерального университета. mirlic@rambler.ru

Цитирование: Хазагеров Г.Г. В чем смысл индивидуализации научного дискурса? [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2021, № 3. – С. 110–118. Режим доступа: www.tverlingua.ru

ADVENTURES OF INDIVIDUALIZATION OF SCIENTIFIC DISCOURSE?

Gergiy G. Khazagerov

The presented article is a replica in a scientific discussion raised by my long-standing article "The meaninglessness of scientific discourse as an objective process".

KEY WORDS: discourse of scholars, individual style, motivation

KHAZAGEROV Georgy G. – DSc in Philology, Professor of the Russian Language Department of Southern Federal University. mirlic@rambler.ru

Citation: Khazagerov G.G. Adventures of individualization scientific discourse [Electronic resource] // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2021, № 3. – P. 110–118. Access mode: www.tverlingua.ru

Авторские стили

Исследуя древний период развития книжной культуры, академик Лихачев предложил стройную концепцию постепенного развития личностного начала и индивидуальных стилей (Лихачев, 1973). Согласно этой концепции, строгий стилевой канон был обусловлен негибкостью восприятия средневекового человека. Древнему человеку трудно было воспринять что-то новое, поэтому оно давалось ему дозированно и в привычных для него формах, образующих стиль эпохи. Но постепенно индивидуальные стили стали прокладывать себе путь, а эпохальные стили – отмирать. Развитие научного дискурса – часть этого процесса. Обезличенный научный стиль не был, как могло бы показаться сегодня, плодом долгого развития науки на пути к ее объективации. Он шел тем же руслом развития личностного начала.

Классики отечественной лингвистики и филологии обладали ярко выраженными индивидуальными стилями. При огромном совпадении общих мест научного дискурса (концепт историзма, организмическая метафора и прочее) трудно спутать стиль В.В. Виноградова и А.М. Пешковского, А.Ф. Лосева и М.М. Бахтина. С чем была связана эта индивидуализация, в чем она проявлялась и каковы были ее последствия?

Мне кажется, индивидуализация была связана с экспликацией хода собственной мысли, а проявлялась она прежде всего на уровне композиции, на уровне логики развертывания мысли в научном тексте. Что касается последствий, то ими стало осмысление научным сообществом драмы научных идей, внятная концептуализация научного пространства и рост вовлеченности в проблемы науки со стороны молодых ученых. Именно в этом контексте складывалось то, что принято называть русской интеллигенцией. Остановимся на этих трех аспектах (экспликация, композиция, вовлеченность) чуть подробнее.

Экспликация индивидуального хода мыслей говорящего – важнейшая составляющая риторики в любом дискурсе. Она предполагает этосные доводы, демонстрацию «характера», т.е. объяснения того, что привлекло тебя

к той или иной концепции. Юрий Лотман был семиотиком, но не просто семиотиком, а личностью, озабоченной навязываемой сверху гомогенизацией культуры. Отсюда его идеи о гетерогенности культуры, отраженные в концепции семиосферы. Бахтин строил свою теорию диалога, потому что для него было неприемлемо авторитарное слово, сковывающее свободу мысли. Читая этих авторов, понимая их научный пафос, ты погружаешься в живой контекст науки. Научные идеи оказываются персонифицированными. И это касается не только гуманитаристики. Мы хорошо чувствуем персонификацию идей в физике двадцатого века. Только благодаря этой персонификации мы, не занимающиеся физикой профессионально, получили представление о том, что происходит в физике микромира.

Экспликация идей органически связана со стратегиями развертывания текста. Один ученый развертывает мысль с помощью регрессии и дистинкции, другой предпочитает хиастические построения, третий создает «интригу» гипофорами и дубитацией. Даже такой стандартный и часто локализованный в начале статьи блок, как история вопроса, служит задачам экспликации идей и может быть развернут отнюдь не стандартно. В то же время современные требования к стандартизации ограничивают свободу автора именно на композиционном уровне, лишают процесс развертывания мысли индивидуальности, а часто и просто стимулируют исключение самой экспликации этого процесса. Ученый излагает мысли как некий медиум на спиритическом сеансе. Безличные конструкции ему в помощь.

При этом сложившийся канон имеет и положительные стороны. Во-первых, он ведет к повышению скорости обмена информацией, во всяком случае, к повышению скорости принятия решений о публикации, облегчает процесс сертификации ученых. Во-вторых, как и в средние века, стиль эпохи с должной легкостью создает ощущение сопричастности большому целому – Науке.

Одним из отрицательных последствий стандартизации является снижение вовлеченности. Ты не знаешь, как и почему твой предшественник

пришел к таким-то мыслям, тебе трудно стать на его место. На одном научном мероприятии мне случалось рассказывать ученым естественникам о теории трех стилей М.В. Ломоносова. Я старался показать, какие задачи стояли перед Ломоносовым, и перенести аудиторию в интеллектуальный контекст восемнадцатого века. В ответ ученые химики стали высказывать свои предложения по преодолению славяно-русского двуязычия и развитию научной терминологии.

Зримая обезличенность научного дискурса способна снизить вовлеченность до уровня простых карьерных ожиданий. В бизнесе вовлеченность – ключевая категория (Эдмондстон, 2021). Это следующая стадия включенности в общее дело после удовлетворенности и лояльности. Члены научного сообщества, как правило, проявляют лояльность, но это еще не подразумевает вовлеченности. Институт ГЭЛАП давно ведет статистику вовлеченности сотрудников. Рост процента так называемых активно невовлеченных сотрудников разрушает любой бизнес. Так что «средневековое» чувство сопричастности большому научному стилю имеет свою оборотную сторону.

Не будем спекулировать относительно корреляции между стандартизацией и интеллектуальным уровнем работы. Но мы можем невооруженным глазом наблюдать отсутствие эмоционального интеллекта у тех, кто образцово следует стандарту. Это заметно на научных конференциях с участием молодых ученых, которые, как дети в концепции Л.С. Выготского, существуют не вместе, а лишь рядом друг с другом. В концепции Пиаже это соответствует переходу от аутизма к эгоцентризму. По-видимому, мы культивируем не ту среду, в которой были воспитаны сами. Иными словами, мы помогаем строить научное сообщество нового типа, о креативных способностях которого мы знаем мало.

Проблема слабых сигналов

Проблема слабого сигнала – это проблема сетей, будь то сети нейронные, компьютерные или социальные. Стараясь сориентироваться во внешнем мире, мы отбрасываем некоторые сигналы, посылаемые нам действительностью как нерелевантные, например, какие-то корреляции мы склонны рассматривать как случайные. В мозгу за это отвечает гипофиз (Симонов, 1992). Слишком возбужденный гипофиз (а это бывает не только у невротиков и конспирологов, но и у людей искусства и ученых) ведет к тому, что зона предполагаемой релевантности расширяется. Мы начинаем присматриваться к слабым сигналам. У людей креативных профессий это продиктовано необходимостью. Большинство научных открытий прошлого было сделано людьми, обратившими внимание на то, мимо чего проходили другие.

В социальной сети, в компьютерной сети тоже есть слабые сигналы – то, что не на слуху, то, что не набрало достаточное количество лайков, научных ссылок, обращений. Эти сети работают как вполне здоровый, но и вполне дюжинный мозг. Они постоянно консолидируют тривиальные вещи и абсолютно равнодушны к новому, пока это новое усилиями человека не будет выведено из слепого пятна. История науки полна идей, которые не были замечены в свое время и поступили в распоряжение человечества с опозданием.

Какое отношение имеет это к рассматриваемой теме, к индивидуализации научных стилей?

Я думаю, прямое, во-первых, потому что импульс восприятия слабого сигнала может исходить только от индивидуальности. Даже мощная data science с ее машинным обучением способна лишь уловить корреляцию, но не объяснить ее. А в гуманитарной области алгоритмы машинного обучения будут прямо работать на консолидацию тривиального, нетворческого мышления. Об этом уже писали люди, обсуждавшие работу глобальной сети (Кар, 2008). Статистика многократно подтвердит истину «Волга впадает в

Каспийское море». В поисках же нового придется блуждать по затухающим краям распределения Пуассона.

Во-вторых, персонификация науки – это дополнительное хранилище информации, в том числе и слабых сигналов. Мы нередко слышим: «Оказывается такой-то был прав, когда обронил замечание о том-то». Но если бы мы не знали имени ученого, мы никогда не добрались бы до этого замечания. Вот еще одна причина, по которой науку удобно рассматривать как сферу персоналий, а не как безличный массив информации.

В-третьих, свободная композиция индивидуального стиля оставляет простор для сохранения слабого сигнала. Трудно пройти новой идее через угольное ушко стандартной схемы. О новом подходе не напишешь того, что требует стандарт: подход введен ученым А., потом был рассмотрен ученым Б., а сегодня мы, отчасти соглашаясь с А., отчасти с Б., предлагаем нечто третье, не конфликтующее ни с А, ни с Б. А если этот подход еще не был введен? А если, чтобы предложить новый подход, отчет надо вести не от работ текущего года, а от какой-нибудь идеи Аристотеля?

В-четвертых, индивидуальный стиль рождает научные афоризмы, которые оказываются удобным хранилищем слабых сигналов. Скажем, выражение «дискурс – это язык, погруженный в жизнь» не годится в качестве строгого определения дискурса. Но потенциально в нем содержатся идеи адаптационных возможностей дискурса, связь с гомеостазом, потому что через категорию живого, не освоенную пока лингвистикой, в нашу науку могут попасть новые идеи.

Проблема менеджмента

Во времена расцвета индивидуальных стилей научный менеджмент заявлял о себе слабо, несмотря на сильную государственную власть. Показателен в этом отношении пример Виктора Владимировича Виноградова, человека осторожного, наделенного большим политическим чутьем, и ко всему прочему идеолога функциональной стилистики.

Виноградов, однако, ничем не стеснял свою сугубо индивидуальную манеру научного письма.

Но с тех пор, как в массовом обществе конвейер сертификации ученых заработал во всем мире на полную мощность, менеджмент стал необходимой частью академического дискурса. Вопрос заключается в плодотворности этого менеджмента. Пример бизнеса показывает нам, что современный менеджмент включает такой отдел, как HR, который занимается мотивацией сотрудников. При этом речь идет не только о материальной и социальной мотивации, задействованной оказывается вся пирамида Маслоу. Выше уже цитировался академик П.В. Симонов. В книге, написанной им совместно с искусствоведом П.М. Ершовым (Симонов, Ершов, 1981) дана классификация потребностей, релевантная для научного дискурса. Она включает информационные и эстетические потребности.

Насколько эффективно работает HR или его аналоги в науке? Выше уже отмечалось, что проблема стандартизации напрямую связана с мотивацией. Каждый научный руководитель выступает и в роли менеджера. И он ответственен за выработку научного стиля своего подопечного. При этом, заставляя своего ученика выполнять формальные требования, он не должен его демотивировать, не должен создавать впечатление, что научное творчество есть необходимое для карьеры, но в целом скучное, а возможно, и бессмысленное действие. А противодействием скуке, как уже было сказано, является вовлеченность. Вот здесь и встает вопрос о необходимости выработки индивидуального стиля.

Научный руководитель не единственный менеджер «со встроенным HR». Всякое участие в разработке стандартов, в выработке KPI (Key Performance Indicators, в нашем случае рейтингов) должно учитывать момент мотивации. При этом чем дальше разработчик показателей от реальной проблемы научного дискурса, тем произвольнее вырабатываемые им стандарты. Это всегда нужно иметь в виду и думать о компенсаторных механизмах. Стандарт не должен идти дискурсу во вред.

Выводы

Индивидуализация научного дискурса – часть мощного процесса развития личностного начала в человеке, хотя в эпоху массового общества этот процесс сталкивается со встречными тенденциями и не проявляется так ярко, как в девятнадцатом веке и первой половине двадцатого века.

Помимо всего прочего индивидуальный авторский стиль потенциально способен сохранять «слабые сигналы», т.е. мысли, неактуальные в текущем контексте, но потенциально полезные.

Индивидуальный стиль имеет прямое отношение к мотивации, делает занятие наукой интересным и осмысленным делом, в котором человек способен максимально проявить себя, а не просто соответствовать каким-то необходимым для карьеры шаблонам. Индивидуализация дискурса способствует вовлеченности в общее дело, способствует умению понимать других ученых и осознавать общую цель.

References in Russian

Карр Николас, 2008 – *Карр Николас* Делает ли Google нас глупее? // The Atlantic. July/August 2008. – Режим доступа: <https://habr.com/ru/post/116079/>

Лихачев, 1973 – *Лихачев Д.С.* Развитие русской литературы X-XVII веков. Эпохи и стили. – Л.: Наука, 1973. – 282 с.

Симонов, 1992 – *Симонов П.В.* Мозг и творчество // Вопросы философии. – 1992, № 11.

Симонов, Ершов, 1981 – *Симонов П.В., Ершов П.М.* Темперамент. Характер. Личность. – М.: АКАДЕМИЯ НАУК СССР, 1981. – 300 с.

Эдмондсон Эми, 2021 – *Эдмондсон Эми* Работа без страха / Пер. Окунькова Ирина. – М.: Интеллектуальная литератур, 2021.

References

Carr, Nicholas (2008) *Is Google making us stupid?* // The Atlantic. July/August 2008. Access mode: <https://habr.com/ru/post/116079/>

Edmondson, Amy (2018) *The Fearless Organization: Creating Psychological Safety in the Workplace for Learning, Innovation, and Growth* .

Likhachev, D.S. *The development of Russian literature in the X-XVII centuries*. Eras and styles, L., Nauka, 1, 282 p. (In Russian)

Simonov, P.V. (1992) Brain and creativity // *Voprosy Filosofii*, № 11. (In Russian)

Simonov, P.V., Ershov, P.M. (1981) *Temperament. Character. Personality*. M., ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR (In Russian)